

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>UDC 930.26(470+571)
LBC 63.48(2)Submitted: 01.12.2021
Accepted: 15.04.2022

HORSE BRIDLE ASSEMBLAGE FROM THE MAEOTIAN BURIAL ON THE RIGHT BANK OF THE KUBAN RIVER¹

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The paper presents an overview of a unique Maeotian horse bridle assemblage from the cemetery of Starokorsunskaya settlement No. 2 located on the right bank of the Kuban river. The horse was buried lying with its abdomen in a ventral position, its legs folded up underneath its abdomen, its face turned east-north-east. The eastern part of the burial construction was damaged and collapsed into the storage reservoir. It is possible that the person's burial who was accompanied by the horse, also disintegrated. Two iron socketed arrowheads dating back to the 6th–3rd centuries BC were found between the horse ribs. In the horse's teeth there were two-piece iron bits with rigid check-devices; more than six sets of iron single-gnawed bits lay next to the horse. Two-piece iron bits were equipped with rigid check-devices in the form of short crosses, the ends of which were forged into blades with sharp small teeth (*variant B*). The check-devices of this variant were recorded in the Maeotian culture of the second quarter – middle 4th century BC, and possibly existed throughout the first half of the next century. However, the latest assemblages with such check-devices from the sites on the right bank of the Kuban river dating back precisely to the beginning – the first quarter of the 3rd century BC according to the amphorae containers. A group of single-gnawed bits consisted of six sets with cheek-pieces of different types. The bits themselves (except for one set) are pseudo-twisted, with a movable ring at one end and a cheek-piece at the other. Cheek-pieces with an 8-shaped widening in the middle are of two different types. Three pairs of bits are equipped with a pseudo-twisted rod-shaped cheek-pieces, the other three blade cheek-pieces with conical and moon-shaped pendants. Cheeks of these types do not yet have close analogies either in the Maeotian or in the Scythian culture, and the single-gnawed bits were never found anywhere before. According to cross-shaped rigid check-devices on two-piece bits, the chronology of the burial is limited to the second quarter of the 4th – beginning of the 3rd century BC. The set of single-gnawed bits was most likely intended for training young horses on the lane. The presence of six sets of such bits in the burial probably indicates that a horse-breaker was buried there.

Key words: Kuban region, Maeotians, burial ground, horse, bit, cheek-pieces, arrowheads.

Citation. Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Kompleks konskoy uzdy iz meotskogo pogrebeniya na pravoberezh'e Kubani [Horse Bridle Assemblage from the Maeotian Burial on the Right Bank of the Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 267-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>

УДК 930.26(470+571)
ББК 63.48(2)Дата поступления статьи: 01.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КОМПЛЕКС КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ МЕОТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ КУБАНИ¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуется уникальный меотский комплекс конской узды из могильника Старокорсунского городища № 2, расположенного на правом берегу р. Кубань. Лошадь была захоронена на животе с поджатыми ногами, мордой ориентирована на ВСВ. Восточная часть погребального сооружения обрушилась в водохранилище. Возможно, обвалилось и захоронение человека, которого сопровождала лошадь. Между ребер лошади были найдены два железных втульчатых наконечника стрел, которые датируются очень широко – VI–III вв. до н.э. В зубах лошади находились железные двусоставные удила со строгими насадками. Еще шесть комплектов железных одногрязловых удил лежали рядом с лошастью. Двусоставные железные удила были снабжены строгими насадками в виде коротких крестовин, концы которых раскованы в лопасти с острыми мелкими зубцами (*вариант В*). Насадки этого варианта фиксируются в меотской культуре со второй четверти – середины IV в. до н.э. и, возможно, бытуют всю первую половину следующего столетия. Однако самые поздние комплексы с такими насадками из памятников правобережья Кубани, твердо датированные по амфорной таре, не выходят за пределы начала – первой четверти III в. до н.э. Набор одногрязловых удил состоял из шести комплектов с псалиями разных типов. Сами удила (кроме одного комплекта) – ложновитые, с подвижным кольцом на одном конце и псалием на другом. Псалии с 8-образным расширением в средней части относятся к двум разным типам. Три пары удил снабжены стержневидными ложновитыми псалиями, три другие – лопастными псалиями с подвесками конической и луновидной формы. Псалии этих типов пока не имеют близких аналогий ни в меотской, ни в скифской культуре, а одногрязловые удила ранее нигде не встречались. По строгим крестовидным насадкам на двусоставных удилах хронология погребения ограничивается второй четвертью IV – началом III в. до н.э. Набор одногрязловых удил, скорее всего, предназначался для обучения молодых лошадей на корде. Наличие в захоронении шести комплектов таких удил, возможно, говорит о том, что здесь был похоронен объездчик лошадей.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, лошадь, удила, псалии, наконечники стрел.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022. Комплекс конской узды из меотского погребения на правобережье Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>

В Краснодарской группе меотских памятников IV–III вв. до н.э. погребения всадников с захоронениями лошадей и конской сбруей встречаются намного реже, чем в более западных районах (к примеру, Прикубанский могильник) и в Закубанье (Новолабинский курган, Уляпские и Тенгинские могильники). В связи с этим большой интерес представляют находки конской узды, еще не введенные в научный оборот. Так случилось, что один комплекс, раскопанный нами 30 лет назад на могильнике Старокорсунского городища № 2, остался неопубликованным. Этот памятник, расположенный в 4 км к ВСВ от станции Старокорсунской (Карасунский округ г. Краснодара), с 1987 г. исследуется Краснодарской экспедицией Кубанского госуниверситета. За десятилетия систематических раскопок здесь было открыто 1 052 погребения, хронологический диапазон которых охватывает весь период существования и развития меотской культуры на правобережье Кубани с рубежа VII–VI вв. до н.э. до III в. н.э.

В 1992 г. на восточном участке могильника на обрыве берега Краснодарского водохранилища было расчищено погребение лоша-

ди № 223в (рис. 1,1). Могильная яма не прослеживалась, так как погребение было впущено в слой гумусированного суглинка. Восточная часть погребального сооружения обрушилась в водохранилище. Возможно, обвалилось и захоронение человека. Лошадь лежала на животе; от черепа сохранились лишь зубы, положение которых указывает на то, что мордой лошадь была ориентирована на ВЮВ. Задние ноги были поджаты под таз, передние подогнуты и повернуты влево. В зубах лошади находились железные двусоставные удила со строгими насадками. Отдельно, компактной кучкой (у левой передней ноги лошади), лежал набор из железных одногрязловых удил с псалиями. Между ребрами были расчищены два железных втульчатых наконечника стрел.

Двусоставные железные удила (рис. 1,3) были снабжены строгими насадками в виде коротких крестовин размерами 7,5 × 7,5 см, концы которых раскованы в лопасти с острыми мелкими зубцами. Такие насадки были выделены нами в *вариант В* [Лимберис, Марченко, 2019, с. 161]. Грызла удил гладкие, круглые в сечении. Перед внешними кольцами на грыз-

лах имеются утолщения, не дававшие насадкам сдвигаться с места. С одной стороны удила сохранилось внешнее кольцо, которое не было до конца замкнуто. Внутреннее кольцо на втором грызле также не было замкнуто.

Набор одногрызловых удили состоял из шести комплектов с псалиями двух разных типов. Два одинаковых комплекта (рис. 1,4,6,7) представлены удилами с перекрученным (ложновитым) грызлом, из прямоугольного в сечении стержня. Концы грызла гладкие, круглого сечения. Один конец образует замкнутое кольцо, в которое вставлялся псалий, второй расплюсчен и закручен вокруг плоского в сечении кольца, остающегося подвижным. Псалии в обоих комплектах – прямые, стержневидные, двудырчатые, с 8-видным расширением в центре, завершающиеся округлыми «шишечками». Стержни псалиев круглые в сечении, также перекрученные. Конец одного псалия плохо сохранился (рис. 1,4). Длина удили с внутренним кольцом – 14,5 см, 16,5 см, длина грызла – 8,5 см, 8,7 см, диаметр внутреннего кольца удили – 2,7 см, диаметр внешнего подвижного кольца – 3,3 см, длина псалиев – 22,5 см.

Такой же стержневидный ложновитой (или крученный) псалий входил в состав третьего комплекта (рис. 1,10). От удили сохранилось незамкнутое внутреннее кольцо с маленькой частью грызла. Длина псалия – 22,6 см.

Грызла удили из четвертого и пятого комплектов (рис. 1,8,9) также крученые, с подвижным кольцом на внешнем конце. Во внутреннее неподвижное кольцо вставлены псалии с широкими лопастями, развернутыми перпендикулярно плоскому 8-образному расширению. По одному краю лопастей имеются полукруглые вырезы, другой край – ровный, с железными подвесками в виде свернутых из тонких пластинок конусов и лунниц. На псалии из четвертого комплекта (рис. 1,8) к одной из лопастей через отверстия крепились три подвески, из которых сохранилась одна конусовидная, а от двух других в отверстиях остались петельки. К другой лопасти крепилась только одна конусовидная подвеска. К лопастям псалия из пятого комплекта с одной стороны были подвешены конус и лунница, с другой, судя по отверстиям, первоначально крепились три подвески, но сохранилась одна конусовидная (рис. 1,9). Длина грызла с внут-

ренним кольцом – 14 см, без кольца – 8,7 см, диаметр внутреннего кольца – 3 см, диаметр внешнего подвижного кольца – 3,5 см, длина псалиев – 25,7 см.

Шестой подобный комплект (рис. 1,5) отличается от предыдущих грызлом из гладкого, круглого в сечении стержня. Псалий двухлопастной, но лопасти более узкие, с нечеткими вырезами по одному краю. На лопастях – по одной конусовидной подвеске. Длина грызла с неподвижным кольцом – 14 см, длина псалия – 22,4 см.

Удила с ложновитыми грызлами в меотских памятниках встречаются очень редко. Нам известны лишь две находки из Закубанья. Из скопления 11 кургана 6 Уляпского некрополя происходят удила, у которых одно грызло – крученое, другое – гладкое. Этот комплекс датируется в пределах второй половины III в. до н.э. [Лесков и др., 2013, с. 62, рис. 63,6] или даже рубежом III–II вв. до н.э. [Беглова, 2013, с. 70, рис. 5,4]. Более поздние удила с подобными грызлами найдены в погребении № 137 Тенгинского грунтового могильника, которое включено исследователями в хронологическую группу конца III – первой половины II в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 175, рис. 184,7].

Немногочисленны и находки удили с крученными грызлами в скифских памятниках. Так, А.Д. Могилев приводит несколько экземпляров середины V – начала III в. до н.э.: из кургана 6 у Старинской птицефабрики, кургана 11 группы Частых курганов, кургана 9 Дуровки (со строгими насадками *варианта А*), а также кургана 29/21 Мастюгинской группы [Могилев, 2008, с. 120, 128, 132, 134, рис. 25,7, 35,3, 36,2, 81,10,11].

Что касается стержневидных псалиев, то крученые экземпляры среди них единичны. Псалии с 8-видным расширением в центре и ложновитыми стержнями из погребения № 10 кургана Новолабинского городища IV отличаются от старокорсунских флажковыми окончаниями. Псалии встречены вместе с удилами, имеющими строгие насадки *варианта В*. В этом же комплексе найден пластинчатый орнаментированный нагрудник с бронзовой подвеской-лунницей [Раев, Беспальный, 2006, с. 14–16, табл. 12,1,2,4,6]. Это погребение мы датировали началом III в. до н.э., опираясь на

заключение С.Ю. Монахова по хронологии амфоры неизвестного центра [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71]. Гладкие стержневидные псалии с подобными флажковидными окончаниями известны в Пластуновском комплексе с пластинчатым бронзовым налобником **типа 1** по нашей типологии. Комплекс в свое время был отнесен нами к последней четверти IV – началу III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 73, рис. 5,6].

Лопастным псалиям из Старокорсунской также трудно найти близкую аналогию. Отдаленное сходство с ними имеет железный Г-образный псалий с лопастями «в виде стилизованных головок хищной птицы» из святилища кургана № 2 Тенгинского могильника, которое датируется второй половиной IV – началом III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 55, 81, рис. 100,4]. При этом средняя часть с отверстиями и лопастные окончания, как и у псалиев из Старокорсунской, расположены в разных плоскостях. Более ранние бронзовые и серебряные S-видные двудырчатые псалии с узкими фигурными лопастями, выполненными в скифском зверином стиле, происходят из Ульского кургана № 2 1909 г. [Эрлих, 2015, с. 48, кат. 126, 127, табл. 9, 10].

Особенностью старокорсунских псалиев являются также подвески: конусовидные с ушками-петельками и в виде лунниц. Железные и бронзовые предметы конского снаряжения с подвесками в виде конусов и лунниц хорошо известны в разных (и не только меотских) памятниках, тогда как псалии с какими-либо подвесками до сих пор не встречались. Бронзовые конические подвески, правда, немного отличающиеся от старокорсунских, и лунницы служили дополнительным украшением нагрудников в конских захоронениях (погребение № 21 и ситуация 3) некрополя Новолабинского городища IV [Раев, Беспалый, 2006, с. 19–21, 40–41, табл. 19,1–4, 38,1–5]. В первом случае они встречены с двумя налобниками **типа 1**, во втором – с удилами, снабженными строгими насадками *варианта D*, широкая хронология которого в настоящее время может быть ограничена началом III – серединой II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 168, 171]. Однако датировка обоих комплексов из Новолабинского могильника, по нашему мнению, вряд ли выходит за первую половину III в. до н.э.

Нагрудник с лунницами-подвесками был также найден в склепе 1 могильника № 2 Тарского городища на окраине г. Ставрополя. В комплект входили и три бронзовых пластинчатых налобника **типа 1**. Хронология этого комплекса (IV – конец III – начало II в. до н.э.) довольно спорная, так как верхнюю дату авторы определяют по находкам родосских клейм из тризны [Кудрявцев и др., 2000, с. 42, 44, рис. 2].

Комплект из трех бронзовых пластинчатых налобников и нагрудника, украшенный подвесками с проволочными петельками на длинных перевитых стерженьках, происходит из погребения № 140 (ритуальный комплекс № 1) Тенгинского грунтового могильника. К нагруднику были подвешены девять конических подвесок и две лунницы. Аналогичный налобник с такими же коническими подвесками найден и в погребении № 158 этого же могильника. Оба комплекса исследователи включили в раннюю хронологическую группу конца III – начала II в. до н.э., ограничив их датировку по импортам первой половиной второго века [Беглова, Эрлих, 2018, с. 158–159, 175, рис. 186]. «Время сооружения» погребения № 140 отнесено ко второй четверти II в. до н.э. [Беглова, 2004, с. 89, 104, рис. 8; 2016, с. 33, 43, табл. 4, рис. 5,9]. Бронзовые конические подвески и лунницы украшали близкий по стилю декора нагрудник из погребения коня № 2 Большого кургана Васюриной горы, которое, как показал О.В. Шаров, можно датировать первой четвертью II в. до н.э. [Шаров, 2009, с. 301–302, рис. 4, 5], но не ранее 191 г. до н.э., судя по клеймам родосских амфор [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584]. Главное отличие всех этих подвесок от старокорсунских – отверстия в верхней части, через которые с помощью проволочных петелек они крепились к нагруднику.

По своим морфологическим признакам конические подвески из старокорсунского погребения близки бронзовым псевдоколокольчикам с петлей-ушком из тризны Гаймановой могилы первой половины IV в. до н.э. Такие подвески, как отмечает С.В. Полин, не характерны для Скифии, но встречаются в лесостепной зоне и связаны с подгорцевской культурой. В отличие от скифских подвесок, которые подвешивались на каких-то ремешках или крючках [Бидзиля, Полин, 2012, с. 220–222, 224, рис. 321, 330], старокорсунские, как и подвески

из Гаймановой могилы, крепились через разжатое ушко-петлю. Нам кажется, что это может быть ранним хронологическим признаком, так как все перечисленные выше более поздние аналогии отличаются формой и системой крепления через проволочные петельки.

Между ребер лошади в погребении № 223в были расчищены два мелких железных втульчатых трехлопастных наконечника стрел (длина – 2,2 см и 2,6 см). У одного наконечника лопасти срезаны под тупым углом к втулке, у второго – под острым (рис. 1,2). Такие наконечники широко представлены в меотских комплексах VI–III вв. до н.э., поэтому уточнить хронологию захоронения они не могут.

Единственным предметом в старокорсунском комплексе с более-менее узкой хронологией являются удила с короткими крестовидными насадками *варианта В* с раскованными в лопасти зубчатыми окончаниями. Ранее такие насадки на удила мы датировали последней четвертью IV – началом III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71]. Но в связи с уточнением датировок амфорной тары и новыми материалами в специальной статье нами была произведена корректировка их хронологии. Эти элементы узды фиксируются со второй четверти – середины IV в. до н.э. и, возможно, бытуют всю первую половину следующего столетия, хотя расширение верхней даты связано в основном с широкими датировками комплексов из Закубанья, которые не содержат надежных хроноиндикаторов, – таких как амфорная тара. Однако на правом берегу Кубани, в частности, на могильнике Старокорсунского городища № 2, самые поздние комплексы с насадками этого варианта, твердо датированные по амфорам, не выходят за пределы начала – первой четверти III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 164, 167, 171]. К примеру, удила с такими насадками из погребения № 239в, раскопанного на этом же участке некрополя, по амфорам Коса мы отнесли к концу IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, рис. 18,3,4, 20,1]. Недавно С.Ю. Монахов уточнил датировку амфор из этого комплекса, ограничив ее последним десятилетием четвертого столетия [Монахов, 2014, с. 204, рис. 5,18,19]. Если допустить, что амфоры несколько запаздывают, то верхняя дата захоронения приходится на самое начало III в. до н.э., что ограничи-

вает и время бытования насадок *варианта В* на правом берегу Кубани.

Таким образом, широкую хронологию погребения № 223в, скорее всего, нужно обозначить в рамках второй четверти IV – начала III в. до н.э.

Возраст лошади из захоронения определен в пределах 8–10 лет, высота в холке – 138 см². Лошади такой высоты относятся к среднерослым [Сазонов и др., 1995, с. 125, табл. 14]. Возраст лошади свидетельствует, что она была уже обьезжена: считается, что наивысшая продуктивность лошадей приходится на промежуток между 8 и 18 годами их жизни [Бенеке и др., 2017, с. 256]. Однако для ее управления использовались строгие удила. Кроме того, в погребение зачем-то был помещен большой набор одногрызловых удил: единственный, известный у меотов, на сегодняшний день. Одногрызловые удила отличаются от двухсоставных еще и тем, что имеют псалий лишь на одном конце, а на другом – дополнительное подвижное кольцо. Встает вопрос: для какой цели предназначалась такая узда? Из всех возможных вариантов объяснения ее предназначения наиболее правдоподобной нам представляется версия, что эти удила использовались при обучении молодых лошадей («неуков»). С внешним кольцом было удобнее гонять лошадь на корде по кругу (лонжирование)³. Если эта версия верна, то мы имеем первый случай, свидетельствующий о конкретном тренинге лошадей у меотов. Наличие в захоронении шести комплектов таких удил, возможно, говорит о том, что здесь был похоронен обьездчик лошадей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н. э. – III в. н. э.)».

The work was funded by RFBR, grant no. 18-09-00619 “Military Affairs of the Maeotians of the Kuban Right Bank (6th century BC – 3rd century AD)”.

² Палеозоологические определения выполнены профессором Германского археологического Института Норбертом Бенеке, которому мы выражаем благодарность.

³ Благодарим наших коллег из Государственного Эрмитажа Е.Ф. Королькову и А.Ю. Алексева за обстоятельную консультацию и предложенную ими версию использования одногрызловых удил.

ПРИЛОЖЕНИЯ

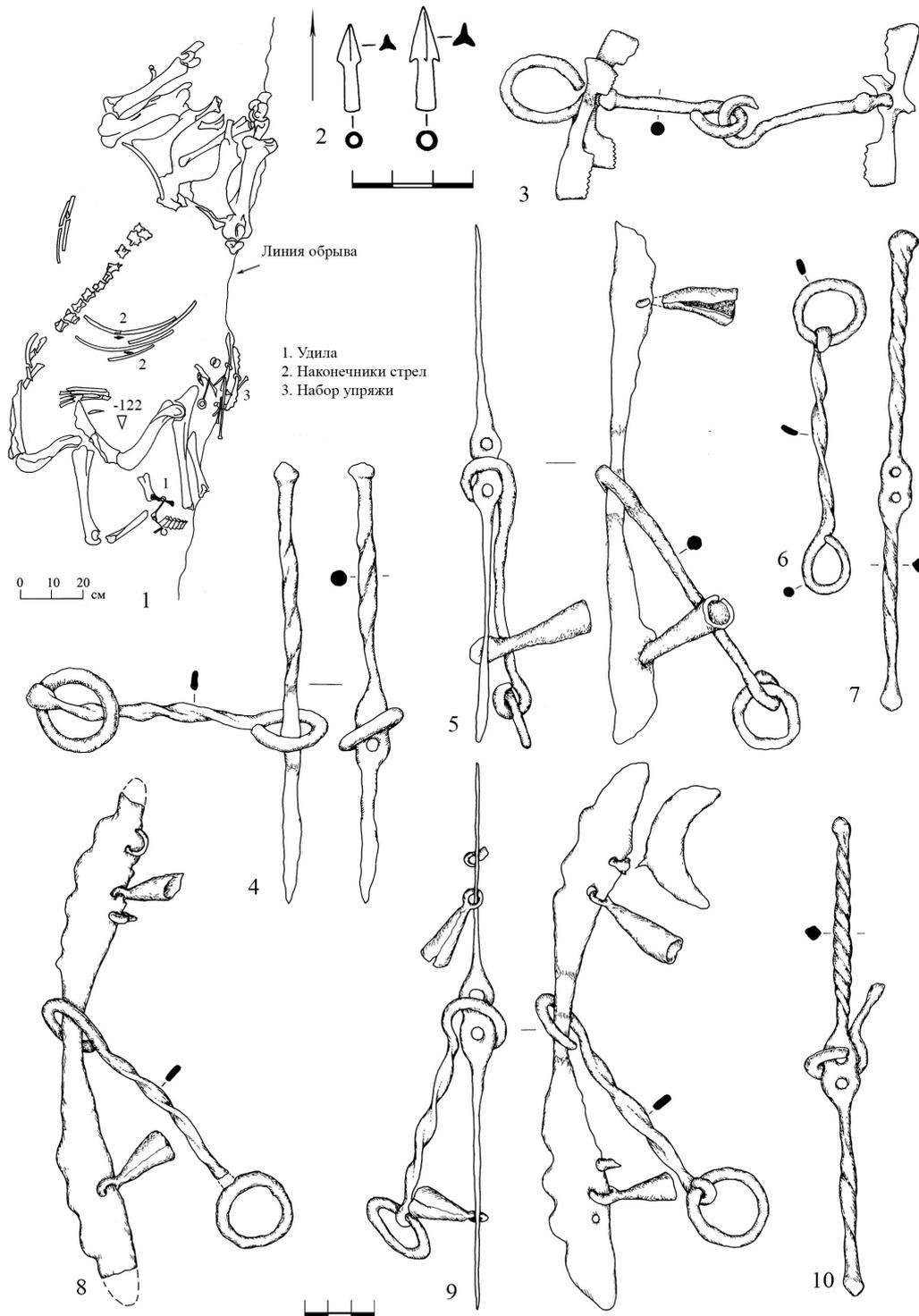

Рис. 1. Погребение № 223в могильника Старокорсунского городища № 2:
 1 – план захоронения лошади; 2 – наконечники стрел; 3 – двусоставные удила со строгими насадками;
 4, 6, 7, 10 – одногнзловые удила со стрежневидными псалиями;
 5, 8, 9 – одногнзловые удила с лопастными псалиями (2–10 – железо). Рисунки С.О. Пальченковой

Fig. 1. Burial no. 223в from the cemetery of Starokorsunskya settlement No. 2:

1 – horse burial plan; 2 – arrowheads; 3 – two-piece bits with a rigid check-devices;
 4, 6, 7, 10 – single-gnawed bits with a pseudo-twisted rod-shaped cheek-pieces;
 5, 8, 9 – single-gnawed bits with a blade cheek-pieces (2–10 – iron). Drawings by S.O. Pal'chenkova

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглова Е. А., 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии*. № 3. М. : ИА РАН. С. 88–107.
- Беглова Е. А., 2013. О верхней дате Уляпского некрополя // *Древности Западного Кавказа*. Вып. 1. Краснодар : ООО РА «Гранат». С. 66–78.
- Беглова Е. А., 2016. Парадный конский убор IV–II вв. до н.э. в памятниках Юга России // *Археологическая наука: практика, теория, история : сб. науч. тр. памяти И. С. Каменецкого*. М. : ИА РАН. С. 30–50.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Бенеке Н., Прюво М., Вебер К., 2017. Скелеты лошадей: палеозоологические и генетические исследования // *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. С. 250–257.
- Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев : Издательский дом «Скиф». 752 с.
- Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко Ю. А., 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника Татарского городища города Ставрополя // *Донская археология*. № 2. С. 40–47.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М. : Государственный музей Востока. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 7. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Т. V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 161–174.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (39). С. 69–74.
- Могилев О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам'янець-Подільський : Изд-во : ІА НАНУ. 439 с.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. № 3. С. 195–222.
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 110 с.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А., 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // *Археология Адыгеи*. Майкоп. С. 113–128.
- Шаров О. В., 2009. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // *Боспорские исследования*. Т. XXII. С. 283–323.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.
- Эрлих В. Р., 2015. Конское снаряжение и предметы вооружения // *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Степные народы Евразии*. Т. IV. М. ; Берлин ; Бордо : Палеограф. С. 44–57.

REFERENCES

- Beglova E.A., 2004. Pervyy ritual'nyy kompleks Tenginskogo mogil'nika [The First Ritual Association of the Cemetery Near the Village Tenginskaya]. *OPUS: mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], no. 3. Moscow, IA RAS, pp. 88-107.
- Beglova E.A., 2013. O verkhney date Ulyapskogo nekropolya [On the Upper Date of the Ulyap Necropolis]. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus], iss. 1. Krasnodar, OOO RA Granat Publ., pp. 66-78.

- Beglova E.A., 2016. Paradnyy konskiy ubor IV–II vv. do n.e. v pamyatnikah Yuga Rossii [Ceremonial Horse Dress of the 4th – 2nd Centuries B.C. in the Monuments of the South of Russia]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya: sb. nauch. tr. pamyati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Papers of Scientific Works in Memory of I.S. Kamenetsky]. Moscow, IA RAS, pp. 30-50.
- Beglova E.A., Erlih V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Sarmatian Time (According to the Materials of the Tenginskaya Burial Ground)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 384 p.
- Benecke N., Pruvost M., Weber C., 2017. Skelety loshadey: paleozoologicheskie i geneticheskie issledovaniya [Horse Skeletons: Paleozoological and Genetic Studies]. *Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. The Royal Kurgan of the Scythian Time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk, IAET SD RAS, pp. 250-257.
- Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila* [Scythian Royal Kurgan of Gaimanova Mogila]. Kiev, Izdatel'skiy dom «Skif» Publ. 752 p.
- Kudryavtsev A.A., Kudryavtsev E.A., Prokopenko Yu.A., 2000. Kompleks predmetov konskogo ubora pozdneskifskogo vremeni iz mogil'nika Tatarskogo gorodishcha goroda Stavropolya [An Assamblage of Items of Horse Dress of the Late Scythian Time from the Burial Ground of the Tatar Settlement of the Stavropol City]. *Donskaya arheologiya* [Archeology of the Don], no. 2, pp. 40-47.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R., 2013. *Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы* [Maeotians of Trans-Kuban Region of the 4th – 3rd Centuries BC. Necropolis Near the Aul of Ulyap. Sanctuaries and Ritual Places]. Moscow, State Museum of Oriental Art. 184 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [Excavations of the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement no. 2 in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, KubSU, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Zheleznye udila so strogimi nasadkami iz meotskih mogil'nikov Prikuban'ya [The Iron Bits with a Rigid Check-Devices from the Maeotian Burials of the Kuban River Region]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”], vol. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 161-174.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., 2009. Plastinchatye konskie nalobniki iz Prikuban'ya [Lamellar Horse Foreheads from the Kuban Region]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Eurasi* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], no. 3 (39), pp. 69-74.
- Mogilov O.D., 2008. *Sporyadzhennya konya skifs'koï dobi u lisostepu Skhidnoy Evropi* [Horse Equipment of the Scythian Age in the Forest-Steppe of Eastern Europe]. Kii, Kam'yanets'-Podil's'kiy, IANASU. 439 p.
- Monakhov S. Yu., 2014. Koskie i psevdokoskie amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 195-222.
- Raev B.A., Bepalyy G.E., 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [The Mound of the Scythian Time in the Burial Ground of the IV Novolabinsk Settlement]. Rostov-na-Donu, SSC RAS. 110 p.
- Sazonov A.A., Spasovskiy Yu.N., Sakhtar'ek Z.N., Tov A.A. 1995. Novyye materialy mogil'nika pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [New Materials of the Burial Ground of the First Centuries of Our Era Near the Gorodskoy Farm]. *Arheologiya Adygei* [The Archaeology of Adygea]. Maykop, pp. 113-128.
- Sharov O.V., 2009. O konskih pogrebeniyah Bol'shogo kurgana Vasyurinskoy gory [On the Horse Burials of the Big Kurgan of Vasyurinskaya Mountain]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. XXII, pp. 283-323.
- Erlikh V.R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya Settlement 4th Century BC]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Erlikh V.R., 2015. Konskoe snaryazhenie i predmety vooruzheniya [Horse Equipment and Weapons]. *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze. Stepanye narody Evrazii* [The Ulskii Tumuli. Cultic and Burial Ensemble of the Scythian Period in the Northern Caucasus], vol. IV. Moscow, Berlin, Bordeaux, Paleograf Press Publ., pp. 44-57.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>